Н. ТИХОНОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД 1925

Ник. ТИХОНОВ

ДВЕНАДЦАТЬ БАЛЛАД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Обложка работы Е. Белухи

Гиз. № 10928. 5000 экз. Ленинградский Гублит № 6474.

Баллада —

Скорость голая…

„Лицом к лицу“.

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ.

Локти резали ветер, за полем лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: коня —
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня, не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: хорошо.

— Хорошо — прошумел ему паровоз,
И синий пакет на Север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу, колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст —
На семьдесят третьей — река и мост.

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян.
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударило в небо два крыла
И мгла зашаталась, и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет,
Путая ноги сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
— Сначала пакет — нога потом.

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва,

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел, о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер.

— Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам.

1922.

ПЕРЕКОП.

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз,
И хлеба фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад,
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал и огонь и дым,
Но приказу верен солдат.

Красным волкам
За капканом капкан,
Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг наш и не наш.
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш.

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед,
Не гранате, не пуле сегодня власть
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно...
Когда тысячи крикнули слово: отдай —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным, рыжим от крови, штыкам,
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву;
Мы ждали, что сон придет
Первый раз не в крови и не на яву,
Первый раз за четвертый год.

Нам снилось, если сто лет прожить, —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать.

1922.

БАЛЛАДА О ДЕЗЕРТИРЕ.

Сергею Колбасьеву

Часовой усталый уснул,
Проснулся — видит в траве
В крови весь караул
Лежит голова к голове.

У каждого семья и дом...
Становись под пули солдат,
А ветер зовет: уйдем...
А леса за рекой стоят.

И ушел солдат... но в полку
Тысяча ушей и глаз,
На бумаге печать в уголку,
Над печатью штамп и приказ.

И сказал женщине суд:
— Твой муж трус и беглец,
И твоих коров уведут
И зарежут твоих овец

А солдату снилась жена,
И солдат был сну не рад,
Но подумал: она одна,
И вспомнил, что он солдат.

И пришел домой как есть,
И сказал: отдайте коров
И овец иль овечью шерсть,
Я знаю все — и готов.

Хлеб, два куска
Сахарного леденца,
А вечером сверх пайка...
Шесть золотников свинца.

1921.

БАЛЛАДА ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ.

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш.
— Так отпустить проститься с женой,
Она умирает? — говоришь.

— Без тебя винтовкой меньше одной,
Не могу отпустить — погоди,
Сегодня ночью последний бой,
Налево кругом — иди.

...Пулемет задыхался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон...

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд,
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: спасибо, брат!

Рукою острее ножа —
Видели все егеря —
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

— Слушай, Денисов, Иван,
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан...
Можешь итти домой.

Умолкли все под горой
Ветер как пес дрожал....
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича как человек,
И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на Восток,
Не оставив на льду следа...
Сказал батальонный, коснувшись щек:
— Я, кажется, ранен. — Да!

1922.

МАХНО.

Илье Груздеву.

Не пастух собирает стадо,
Не к ранней трезвонят часто,
То сзывает раду — громаду
Сам батько Махно клыкастый.

Зачервонели по ветру сабли,
По Днепру зажупанили вести,
Что коммуников руки ослабли,
Краснозвездцы в селах не в чести.

Затрещали скворцами наганы,
Закрывают молодайки двери,
Сизым полымем за туманы
Залетают жар-птицы перья.

Не чижи в воробьиной луже,—
Кувыркаются паровозы,
И гуляет батько, не тужит,
Точно в картах тузовый козырь.

Но все глуше маузе́ры лают,
Все тусклее полощутся сабли,
Уже кони землю зацепляют,
Пулеметы гребут, как грабли...

Не побить всех днепровских уток,
Не угнать за лиман все тучи,
Еще много кожаных курток
На московских плечах колючих.

Понатешился батько посевцем,
Дарит ветер он красным доломаном
И уходит обратно к королевцам,
К синеусым молдавским банам.

Пьет и бьет за чаркою чарку,
Снова зубы, как сабли, точит...
И, как угли, дымятся жарко
Завидущие батькины очи.

1921.

БАЛЛАДА О ПЛЕННОМ КОНЕ.

Тени ползут, не стукнет затвор,
Не скрипнет трава, не хрустнет кора...
Заставы узнали врага,
Ударили длинные змеи в упор,
И в черное небо прожектора
Хромые вбили рога.

Утром над рощей, над лозняком
Трубы трубят в рыжем огне,
Снова в поход пора.
— Откуда конь? — спросил военком.
— Заставой отбит на той стороне,
У польских улан вчера.

— Отменная стать... Боевой закал...
Я беру себе — военком сказал.
Но едва он поводья взял наугад,
Коснулся шпорой подпруг,
Ударил конь ногами назад,
Ногами ударил вдруг.

Человек упал и сейчас же встал,
Отряхнул с колен песок
(Костист он был и хмур),
Три раза прыгал, три раза упал,
И снова вскочить не мог,
Тогда расстегнул кобур:

— Республике ты не хочешь служить,
Так я тебе дам расчет! —
Но вышел вперед молодой гусар:
— Комиссар, погоди, постой, комиссар,
Зверюге такой надо жить да жить, —
Отдай его мне во взвод.

Легче ударить по зубам пулемет,
Собрать урожай голов...
Конь копытами бьет, на дыбы встает,
Как сеткой, пеной покрыт,
Но гусар рожден для такой игры,
Для которой не нужно слов.

Вскочил, и полем гудеть взвилось
Ржавое облако вкривь и вкось.
Где их носило, как их носило, —
Никто не узнал о том,
Когда же вернулись — скакун через силу
Бодрился под седоком.

...Червонцы усеяли синий склон,
Человек засыпал в торбу овса,
Воды из ручья принес,
Но конь кричал на весь эскадрон,
Воду разлил, наплевал в овес,
И, крича, трензеля кусал.

Но в рядах он шагал, смиряя жар,
Лишь глаз горел, как медяк,
— Ну, что ж, поорал, — сказал гусар, —
Теперь ты — товарищ мой,
И мы заживем брат с тобою так,
Что ты не захочешь домой.

Богатый был на битвы улов,
И панская Польша не раз
Теряла и стремя, и вьюк, и седло
Под вихрем московских клинков,
Свиставших над горлом Варшавы подчас,
Панам всего мира на зло.

1922.

АФГАНСКАЯ БАЛЛАДА.

Р. Р.

Леса кораблей, контор редуты,
Машин и монет сверкание —
Вся эта мельница на ходу
Зовется Великобритания.

Синебородые, глина предместий,
Вершин ледяной качан,
Чалма и песок — а все это вместе
Зовется Афганистан.

Но синебородых людей не слабее
Люди из Лондона и Бомбея.

Им спать не дает сознанье, что вот
Рядом пасется вольный народ.

Им, толстым, тесно и душно,
Их гордость приказ отдает,
И сто бомбовозов воздушных
Тотчас же выходят в поход.

Сто ястребов вышли недаром
Из школы захватчиков старых,
Китченера и Родса —
Попробуй с ним бороться.

Задела колодец налетчиков бомба —
Сразу старик завертелся и обмер.

Зарылася в пашню — пашня дыбом,
Скалы заплавали точно рыбы.

Британского летчика когти остры:
Жилищ обреченных полосу
В костры побросал он, заставив костры
Вопить человечьим голосом.

Горы Пагмана и воды Кабула —
Такие прямые — шатались сутуло.

Тогда бомбовозы стали свистать
Победу — кичася властью —
И не было рук достать их,
И не было слов проклясть их.

Земля серела, точно пах
Убитых лошаков,
Но каждый ярд ее пропах
Угрозой глубоко.

Афганец, пяжкодум густой,
Не хочет покориться:
— Пусть в небе ястреб не простой,
Но ястреб — все же птица.

А если птица сеет гром —
Мы эту птицу подобьем.

Он глазом каменным следит
Кривых эскадр полет,
И самодельной пулей сбит...
Качнулся бомболет.

За ним другой, еще за тем —
Перевернулись в высоте...

Очистив к ночи небосклон,
Угрюмый горец встретил сон:
Он доказал, что не слабее
Людей блестящего Бомбея.

А утром в небе выжег хвост,
Свистя, сто первый бомбовоз.

И горец, по ущелью мчась, —
Сто первой пулей увлечен, —
Винтовку вскинул на плечо...
Так эта битва началась.

1922 — 1923.

СМЕРТЬ БОЙЦА.

Железо в жилах уже не то,
Волос на руке не колюч,
А у сердца осталось ударов сто,
И сердце запрут на ключ.

Ему принесли винтовку — ту,
Что теперь возьмет его сын,
И за приступом взятую высоту
Золотые с гербом часы.

Он открыл затвор — напрасный труд:
Все патроны ушли в расход,
Часы стоят — часы не идут,
Им пыль переела ход.

И упала рука — с одеяла взяла
Славный лист, что положат в гроб,
На листе вверху — Гельсингфорс — скала,
Песий зуб внизу — Перекоп.

Лучше б яма волчья — шалый шлях,
Круторебрый Уральский лом,
Ему ль, точившему коготь в полях,
Умирать в углу за стеклом.

Из-за Рейна руки кричат ему,
Был Мюнхена лебедь ал,
На Востоке с красным серпом чалму
Качает Каспийский вал.

Но слышит ухо насторожась,
Что стук уже тут как тут,
Четыре лопаты, враз торопясь,
На Марсовом землю скребут.

1922.

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ.

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

— Команда — во фронт, офицеры вперед,
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
— С якоря в восемь. Курс ост.

— У кого жена, дети, брат, —
Пишите, — мы не придем назад.

— Зато будет знатный кегельбан.
И старший в ответ: — есть, капитан!

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

— Не все ли равно, — сказал он: где?
Еще спокойней лежать в воде.

Адмиральским ушам простукал рассвет:
— Приказ исполнен. Спасенных нет.

Гвозди б делать из этих людей,
Крепче б не было в мире гвоздей.

1921.

ПОДАРОК.

Льет кузнец в подковы серебро,
Головы багровые плывут,
Над Кубанью белошумною Шкуро
Ставит суд — святые не спасут.

Плясом ширь до чертовой зари,
Ноги бьют, как коршуны когтят,
На черкесках ходнем ходят газыри,
Шашки рубят ветер вперехват.

Волчий хвост свистит на башлыке
Захочу — в кусочки размечу,
Белы лебеди с бронями на реке,
С пушками, царь-пушке по плечу.

И заморским он кричит ежам:
— Расскажите дома королю,
Краснолапы мне не сторожа,
Богатырки бочками солю.

— Захочу — наставлю горбыли,
Поседеет под ногой трава,
А Кубань: станичник, не скули,
Бьет челом и шлет дары Москва:

Каравай свинцовый да кафтан,
Было б чем качаться на валу,
А чтоб жажду залил атаман —
Черную Кремлевскую смолу.

1922.

БАЛЛАДА О СТАРОМ ТРАЛЕРЕ.

Он недвижим, он дряхлеет между
Пароходов, скинутых с учета,
Плесенью одевших корпуса...
Здесь живут между камней не свежих
Катера с чиновничьей заботой
Да скрипят ревизий голоса.

Так стареют вещи налегке:
Капитан за водкой в кабаке,
И компас, заброшенный без цели,
Кожанной отшельник кельи,
Револьвер в карманном подземельи.

Слово: смерть — печатал так легко ведь
Черный, полированный станок,
Как и тралер, он отведал крови,
И врага на траверсе стерег.

Но теперь безмолвен барабан —
Букв свинцовых старое изданье,
Цензор тишине обрек, и вот
Никуда уже который год
От таможни полосатой зданья,
Якорного, ржавого шатанья —
Крепок рук веревочных аркан...
Тралер спит и видит сон пока:

— Он бродит, море шевеля,
И всюду минные поля,

Весь мир покрыт одной волной,
И корабли идут стеной,

Победой душу веселя —
Но всюду минные поля.

За плеском — плеск, и все в огне —
И флот прославленный на дне.

И сотни рук и сотни труб
Ведут с акулами игру.

Кто возвращается со дна?
Опять над морем тишина...

И море мирно, как земля,
Но всюду минные поля.

В порту над темною водой
Вдруг встрепенется тралер сонный,
И весь дрожит, палач седой,
Предсмертной грезой увлеченный...

А это только ветер в бок
Его ударил, и замолк...

1921 — 1923.

ВСАДНИКИ.

Под ремень, ремень и стремена
Звякнули о сумы — переметы,
Пальцы на поводьях, как узлы,
Желты, не велики, не малы, —
Погрызи, дружок, железо — на!

Город спит, устал, до сна охоч,
Просверкали над домами,
Над седыми ребрами дворца,
В ночь, в поля, без края, без лица,
В черную, лихую зыбь и ночь.

Ни подков, ни стойла, ни овса,
Ледяная, длинная Двина...!
— Эй, латыш, лови их на прицел,
Сторонись, покуда жив и цел!
Гривы бьют о дюны, о леса.

Крик застыл у часовых во рту,
Раскололся пограничный столб,
А за киркой море и луна,
Корабли шершавей полотна,
Молниями шпоры на-лету,

И рука над гривою тверда,
И над картой пролетает глаз,
Отмечает знаками черед,
Веткой — рощу, паутиной — брод,
Кровью — села, пеплом — города.

Весь избит копытом материк,
Если б жив был опытный астролог,
Он бы перечел сейчас коней,
Масть узнал — цвет глаз, копыт, ремней...
Над горами льдин прозрачный крик.

В паутине веток кровь хрустит,
Лондон под передними ногами,
Дувра меловая голова,
Франции прогорклая трава,
И в аркан свиваются пути.

Простонал над рельсами экспресс,
Под копытом шпалы пополам,
Дальше некуда, отсюда весть,
— Здесь! — сказал один, и третий: —
здесь!
— Здесь! каких еще искать нам мест.

Утром встали, спавшие беспечно
На камнях, дорогах, на стенах
Кто-то выбил, выжег, положил
След разбитых кровью жил,
Точно когти звезд пятиконечных.

1922.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 35 коп.